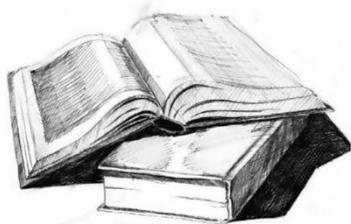

АРХЕО·ГРАФИКА

№8, декабрь 2017 г. ~ Трудями Археографической лаборатории Истфака МГУ

В номере:

О студенческой археологии, костромской экспедиции МГУ и возможностях междууниверситетского общения

Екатерина Дилигул,
4 курс СПбГУ

МАРГИНАЛЫ И МАРГИНАЛИИ

«Блаженны алчущие и жаждущие правды»

Валентин Голубев, 4 курс
Философский ф-т МГУ

ОПЫТ ДОРОЖНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Елизавета Карпукова,
3 курс, Истфак МГУ

ФАИНУШКА

Валерия Елагина,
5 курс, ПСТГУ

ЛЕГЕНДЫ КОЛОГРИВА

Екатерина Негодяева,
4 курс, Истфак МГУ

ПАМЯТЬ О ЕФИМЕ ЧЕСТНЯКОВЕ

Александра Азизова
4 курс, Истфак МГУ

КАТЯ

Христина Денисюк,
3 курс, ПСТГУ

О СТУДЕНЧЕСКОЙ АРХЕОГРАФИИ, КОСТРОМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МГУ И ВОЗМОЖНОСТЯХ МЕЖУНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБЩЕНИЯ

О, пожелтевшие листы
В стенах вечерних библиотек,
Когда раздумья так чисты,
А пыль пьянее, чем наркотик!..
Н. Гумилев

...практика – дело особое, ее вместе с книгами не купишь.
Иначе эти книги шли бы нарасхват.
Ирвинг Стоун. «Жажда жизни»

Практика археографических экспедиций охватывает фактически всю территорию России: Сибирь, Урал, Центральная полоса России, Север и Северо-Запад. Каждый регион имеет свою специфику, свои традиции, своих «столпов науки». Нередко выезды проводятся на базе университетов, с привлечением некоторого числа студентов гуманитарного направления.

Археографические экспедиции – это особые события в жизни исследователей гуманитарных дисциплин, каким либо образом имеющих отношение к русской книжной культуре. Это та среда, тот микромир, в котором тесно соприкасаются пути мэтров науки и начинающих исследователей, это путь преломления теоретического знания в практику, любопытства в опыт. (Продолжение на стр. 2)

Краткостью срока той или иной экспедиции, необходимостью выполнения определённых поставленных задач обуславливается тесное сотрудничество преподавателей и студентов, опытного поколения и поколения начинающего. Несомненно, это способствует формированию научной школы. Молодой исследователь, не обремененный в экспедиционную пору учебной деятельностью, в процессе работы вступает в личный диалог ни с одной, двумя рукописными или старопечатными книгами, а как минимум с десятью, а то и более. Такое знакомство не просто удешевляет его опыт как археографа, обогащает его новыми знаниями, но и погружает его в эпоху, помогая более рельефно понять ее сущность.

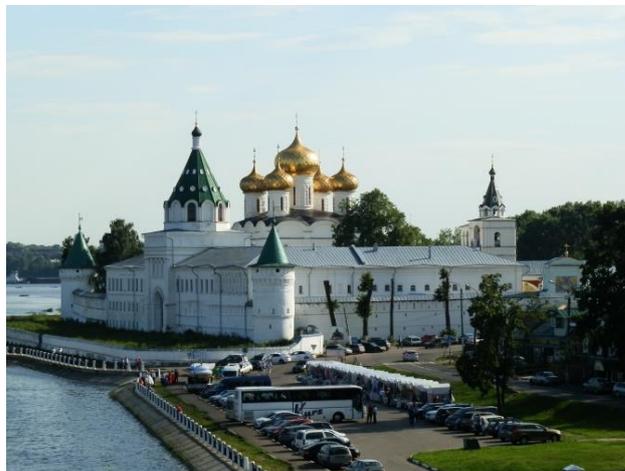
Работа с книжным фондом музея

Такая практика необходима в масштабе одного региона, одного вуза. Однако, с учетом того, что в экспедициях принимают активное участие студенты, интересным представляется и опыт межвузовского археографического сотрудничества. О таком личном опыте и пойдет речь в этом небольшом повествовании.

Желание поехать в экспедицию «за редкими книгами» возникло у меня около двух лет назад. Тогда хотелось разнообразить библиотечные и архивные штудии новым опытом, новыми условиями работы с материалами русской книжности. Занимаясь изучением преимущественно рукописных кодексов автор этих строк видел в обращении к старопечатным памятникам возможность получения новых и важных знаний в области русской книжной культуры XVII–XVIII вв. Привлекало, конечно, и то, что условия экспедиции предполагали непосредственный и постоянный контакт, общение со специалистами в данной области, а также с коллегами-сверстниками, имеющими большой опыт в описании старопечатной книги. Мне посчастливилось работать в группе студентов, описывавших коллекцию старопечатных книг в Ипатьевском монастыре.

Место, где проходила работа, – старая Кострома, Ипатьевский монастырь – само по себе удивительное и очень самобытное. Городская и

монастырская атмосфера способствовали восприятию работы не с формальной позиции, когда необходимо выполнить поставленную задачу, отчитаться по выполнению и забыть о том, что было сделано. Восприятие происходило через этот особенный микроклимат местности.

Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь

Приехав в экспедицию имея весьма общее представление о том, как описывать старопечатные книги, в первый же день работы я столкнулась с некоторыми трудностями. Знание теории было бесспорно замечательным, однако только практика могла помочь расставить все на свои места. В процессе работы всегда была возможность обратиться за консультацией или разъяснением к Ю.С. Белянкину или к студентам, имевшим опыт такой работы. Такая возможность делала само обучение более эффективным и познавательным.

Хотелось бы отметить, что автор этого небольшого размышления не единственный студент исторического факультета (института истории) СПбГУ, принимавший участие в поездках Археографической лаборатории МГУ. В 2010 году выпускник исторического факультета СПбГУ Жуков Артем Евгеньевич, ныне научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукопи-

сей Библиотеки академии наук, принимал участие в описании рукописей в Ярославле. В этой связи хочется надеяться, что такое научное межвузовское студенческое сотрудничество и общение продолжится и будет способствовать формированию прочных научных и дружественных связей между учащимися не только МГУ и СПбГУ, но и, возможно, других университетов.

В конце мне бы хотелось выразить глубокую признательность Н.В. Литвиной, Ю.С. Белянкину за возможность принять участие в экспедиции, за приобретенный опыт, группе Ипатьевского монастыря – Н. Домрачеву, И. Барбашевой, В. Голубеву, К. Жильцову, а также всем экспедиторам за помощь в работе, за душевное и познавательное общение, за творческую атмосферу.

*Екатерина Дилигул, 4 курс
Институт Истории СПбГУ,
кафедра источниковедения истории России*

МАРГИНАЛЫ И МАРГИНАЛИИ «Блаженны алчущие и жаждущие правды»

Эти записи, оформленные в виде полевых заметок и сочетающие в себе черты нескольких жанров (интервью, дневник, рассказ), написаны под впечатлением от случайных встреч с людьми, чьи удивительные судьбы оказались связаны со старообрядчеством. Особенность этих бесед, как и самих собеседников, коих мне посылал Господь, в «неформальности»: наши беседы не были похожи на интервью, а скорее представляли собой вольный разговор за чашкой чая под ночной стрекот сверчка, почти ис-

ключавшие возрастные и конфессиональные барьеры.

Беседы представляют собой и материал этнографического характера, так как помогают составить образ современного старообрядца – человека оказавшегося на перепутье: между сельской, аграрной и городской, урбанизированной культурой; между народным фольклором и современными, порожденными СМИ, мифами.

Героев моих заметок в прямом и переносном смысле можно назвать странниками, не имеющими «зде пребывающего града». В епархиальном доме при Преображенском соборе РПСЦ в Костроме, где я постоянно ночевал во время экспедиции, они останавливались лишь временно, да и всю свою жизнь они странствовали, меняя свое географическое, социальное и конфессиональное положение. Иначе говоря, мои герои – маргиналы, люди живые и отзывчивые, вечно ищущие и стремящиеся. В них отразилась судьба исконной, архаичной, живой России, ее народная стихия, неутолимая жизненная сила которой, подобно росту, пробивающему толщу асфальта, проявляет себя в старообрядцах нашего постиндустриального века.

Тему «маргиналов» я решил расширить описанием нескольких маргиналий из богослужбных книг, находящихся в собрании Церковного Историко-археологического музея Костромской епархии. Маргиналии помогают почувствовать живую, неформальную церковность, так же как и беседы с «маргиналами».

I

11. 07. 2017

Антоний

Часть первая. Екклесиологическое

Первым моим собеседником стал Владимир Александрович Кузнецов (в крещении Антоний), родившийся в 1957 г. в городе Находка.

Вспоминает, что мать очень боялась гонений, поэтому молилась тайно. Отец специально смастерил для нее маленький шкафчик наподобие аптечного, который помимо дверцы закрывался еще и маленькой занавеской. Шкафчик для пущей предосторожности помещался за платяным шкафом.

Иконы у матери Антония были исключительно меднолитые, что он объяснил жесткими гонениями на старообрядцев, побуждавших последних сжигать свои деревянные иконы (1), чтобы избежать их поругания гонителями.

Уже в зрелые годы Владимир Александрович решил обратиться к вере отцов. В то время он имел смутное представление о старообрядчестве: не различал согласий, не знал догматических противоречий между ними. В зрелые годы найдя в доме календарь Древлеправославной Поморской Церкви, наш герой воспринял это как знак и решил найти поморского наставника, который мог бы его окормлять. Для этого он отправился в Новосибирск, где и обрел своего духовного Отца.

Наставник научил Владимира Александровича основам Веры: «класть нача́л», т.е. исполнять молитвенное правило, нести епитимьи и пр. Одно из наставлений звучало так: «От власти много полегло наших, так что не нужно сейчас власти противиться. Надо хотя бы семейных своих привести к вере истинной (2)».

Антоний рассказывает:

– А еще Отец духовный советовал обращать внимание на все церковное, бережно относиться ко всякому изображению, даже никонианскому. Выкидывать не стоит такой предмет, газета это или упаковка, а надо сжечь. Учил, чтобы если где увижу крест восьмиконечный, то обратить внимание, что это за предмет, что за книга. Так вот я однажды на почте увидел журнал «Русь православная». Журнал стоил недорого тогда, совсем недорого. Я выписал себе – стал читать.

И все это чтение стало меня подвигать на размышления над словами Спасителя, как Он говорит: «...на сем камени созижду Церковь мою и врата адовы не одолеют Ее» (3). А что такое Церковь? Это ведь полнота таинств! А значит, необходимо и наличие священства. То есть, я так понял, что до Второго пришествия истинное священство будет существовать. А у поморцев ведь и священства нет, да и только два таинства. Ты ведь знаешь? То есть Крещение и Исповедь. И то не Крещение, а погружение, ведь миром у поморцев не помазывают.

Вот я, значит, читал этот журнал, а на последней странице там написано, что издает его РПСЦ Белокриницкого согласия (4). Так я впервые узнал про Белокриницкую иерархию.

После этого наш герой решил найти какой-нибудь приход. Самый близкий был во Владивостоке, куда Владимир Александрович и отправился. Вначале просто приходил, смотрел, беседовал, а в конце концов решил креститься. Впрочем, принятие этого решения стало большим трудом духа, почти подвигом для моего респондента. Он и со мной, хотя прошло более двадцати лет после

этого события, говорил о своем переходе в Белокриницкую иерархию достаточно взволновано... Он часто задавал себе вопрос: «а не предаю ли я Веру отеческую?»

Приморский край, храм, в котором служит о. Елисей

Во Владивостоке Владимир присоединился к общине протоиерея Елисея Елисеева, разорвавшего общение с РПСЦ после Освященного собора 2007 года. Владимир Александрович с улыбкой вспоминает:

– Он был очень интересным пастырем, умел сказать острое словцо. Вот все говорят, что телевизор смотреть грех, а отец Елисей берет и говорит как-то за столом: «А я вот разрешил бы смотреть телевизор, только чтобы сколько часов посмотрел – столько часов и поклоны отбивай». А ведь и не поспоришь?

Матушка Ирина Елисеева с детьми

Однако церковный раздор вновь поставил моего героя перед сложным нравственным выбором:

– О. Елисей поставил меня во чтеца... После раскола 2008 года я все-таки тоже ушел от о. Елисея. Однако я до сих пор ему открытки поздравительные шлю. Ну, не ему прямо, а жене его. Ох, жалко мне ее! Такой крест ведь тяжелый. Все на ней...

Часть вторая. Апокалиптическое

«Я вот честно думаю, что интернет – это орудие дьявола (5)», – заявил мне мой собеседник, продолжая свою мысль:

– Ну вот, для себя я точно знаю, что интернет мне в погибель. Тебе смешно, наверное, да? А я всегда так говорю, что у Златоуста, в поучениях, христианам предписано чтить книги, а про интернет ничего там не написано. Я говорю, покажите мне, у Святых Отцов где-нибудь про интернет написано? То-то! Хотя телефон есть у меня. Но я редко по нему общаюсь, хотя смски шлю и отвечаю на них... Думаю, что в последние времена мы живем. Мы движемся к ним, не так далеко это от нас. Ну, ты ж видишь развращение какое? Сейчас даже дети (вот такие малье!) пакости говорят и не смущаются. Люди от изобилия разучились работать. Я вот переехал к сыну в Кострому и завел хозяйство. В один год излишков картошки много было (ну тонну картошки я собрал, понимаешь?). Значит, стал продавать. Так вот подходят ко мне молодые люди, смотрят. Им женщина, которая картошку у меня брала советует: «Возьмите! Хорошая картошка!» А один из них знаешь, что говорит? «Нет, – говорит, – ее же чистить надо!» Вот что! Ну, я речи лишился!

Только после нескольких часов беседы Антоний сообразил, что я не старообрядец и приехал не только и не столько молиться, сколько изучать старообрядчество.

– Так вы, чего, изучаете старообрядчество что ли? Да... А что, вот, многие люди так старообрядчеством заинтересовались? Ведь мало кто сможет такие тяжелые правила принять? Вот, помню, к нам в Приморье шотландец как-то приехал, тоже изучать. И знаешь, на русском говорил и даже по-славянски по слогам читал. Он у себя специально грант на это дело получил. И вот зачем им? А я знаешь, что думаю? Хотя надо мной часто из-за этого подшучивали, но я скажу. Они зачем изучают? Не креститься ведь они хотят? Нет. Старообрядчество – стержень России, а они нас хотят уничтожить. Вот и

изучают, чтобы лучше знать, с чем бороться (подмигивает)! Я тоже так отцу Елисею скажу, а он: «Да ну тебя, Антоний!» (смеется).

А если серьезно, ты ведь знаешь про «Комитет 300»? Они ведь, правда, всем в мире верховодят...

Знаешь, я вот Союз вспоминаю и как развалилось все и думаю, что тоже это все неспроста. Вот смотри: вначале все запрещали, а потом раз – и все можно! Что это? Это стратегия! Вот Горбачев. Сухой закон, знаешь? Тоже запрещали, запрещали, а потом – пей сколько влезет! Так все и спились. То есть дефицит сначала, а потом потребление. Я так свиней откармливаю: сначала голодом их моришь, а потом до отвала откармливаешь. И нас, значит, как свиней... Все это, знаешь, неспроста!

Где-то читал я, что будет так: вначале нами все будут интересоваться, потом вновь будут жестокие гонения, а в самое последние время люди опомнятся и будут искать по лесам последних спасающихся, чтобы рассказали какова Истина. Вот так.

На следующий день я обнаружил, что дед Антоний уже уехал из епархии, видимо смутившись приездом остальных членов экспедиции. Но все правильно: таковы законы жанра! Странник-трикстер всегда должен оставаться загадкой. Он внезапно приходит и также внезапно исчезает...

Здание Ярославско-Костромской епархии, на втором этаже которой паломнический центр

II

12. 07. 2017

Аргонавт в поисках золотого руна

Двенадцатого числа июля месяца мы посетили традиционный крестный ход в честь празднования памяти Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла в Стрельникове.

После крестного хода и краткого разговора с о.Мануилом, посетовавшим на недружелюбное отношение к новооткрывшемуся приходу в г.Шуя священства господствующей Церкви, мы отправились «на поклон» к Николаю Андреевичу Зайцеву. Николай Андреевич уже третий год принимает у себя нашу экспедиционную группу. Его трудно назвать маргиналом, однако поведенные им в этот раз истории вполне созвучны с темой странничества в поисках Истины.

В этот раз наш собеседник рассказал нам один интересный случай из своей жизни, о котором мы прежде не знали. Наш герой служил в речфлоте, и однажды его сослуживцы затеяли с ним спор о вере. «У фашистов на бляхах поясов было написано «С нами Бог», а они все равно войну проиграли», – сказал кто-то из споривших. Однако Николай Андреевич не растерялся и ответил: «В годы войны русскую землю защищали не только коммунисты, но и множество верующих, а в тылах за спасение Родины и сыновей молилось множество богомольных русских женщин – ради их молитв Господь и спас Россию, потому что и Содом Бог был готов помиловать ради десятка праведников!»

Уже в прошлом номере я писал, что Николай Андреевич представляет собою редкий тип сельского книгочея, однако в том году мне так и не удалось узнать, каково же оно, чистое восприятие классиков, без менторской указки и окуляра хрестоматии. И в этот раз мое любопытство было вознаграждено одним ярким примером такого живого непосредственного

прочтения. Так, Николай Андреевич вспомнил следующий случай:

– Когда меня в никонианской церкви стали расспрашивать, почему я ушел в старообрядчество, я им ответил, что я аргонавт, ищущий золотое руно, а у вас его нет! Все писатели, все книги о Боге свидетельствуют, только их правильно читать надо! И Руссо, и Вольтер о Боге свидетельствуют!

III

13. 07. 2017

Очарованные странники

Тринадцатого числа в епархиальный дом приехали двое новых постояльцев, опять-таки с архитипической внешностью: Александр – пожилой, с седыми волосами, высокий, широкий в плечах мужчина с сосредоточенным взглядом – и тонкий, на порядок ниже первого, юноша с большими черными глазами и растрепанными, почти до плеч, смоляными волосами – Рифат.

В поисках Града

Александр оказался старообрядцем Белокриницкого согласия. Родом он с Урала, чему живым подтверждением служила его внешность.

Я начал беседовать с Александром, так как он, в отличие от своего юного спутника легче перенес трудности долго пути и мог без особого труда поддержать разговор:

– Вы из старообрядческого рода?

– Бабушка моя старой веры была, кажется, нашего согласия (белокриницкого). Называли ее монашкой. Вера у нее крепкая была, но пострига не принимала. 100 км до храма по тайге проходила. Предки мои от Петра бежали из Тотьмы. Из Тотьмы в тайгу.

– Вы много путешествуете? Паломничествуете?

– Да, много. Был недавно в Иваново, на Светлояре был, озеро такое, знаете? Да? Это особое место, туда стоит съездить.

Александр говорил все это очень завораживающе, почти таинственным тоном, и после нескольких фраз прерывал речь глубокомысленным молчанием, устремляя взгляд в пустоту.

Я продолжал:

– Что особенного вы видели на Светлояре?

– Там нужно ходить, ходить одному и молиться. И знаешь, вот что: там не особенно как-то молиться нужно, а там оно само приходит, как молиться.

– Как это?

– Ну, идешь ты и вспоминаешь псалом Давыдов какой-нибудь или еще что – так вот молишься.

– Звон слышали?

– Звон слышал. Это вот как бы один раскати-стый, а потом маленькие колокола. Но, чтобы услышать, надо одному ночью идти. Ты, если с друзьями поедешь, то надо разойтись каждому по отдельности, но договориться, где потом встретитесь... Одному, однако, там тяжело идти... Испытания приходят... Бог испытывает...

– И Вы были ночью на озере?

– Был. И ночью был... Брань духовная у меня была. Я, вот, не выстоял. Грех это большой. Я их не за тех принял: думал это нечисть, а это от Господа меня вразумить приходили.

– Что же Вы видели?

– ...Сложно это сказать...

После паузы Александр продолжил рассказывать:

– Там место такое красивое. Часовня стоит. Ее недавно построили. Много там вообще людей всяких: ведьмы подходили ко мне, рериховцы. Там еще отшельники в землянках живут. Днем их никто не видел, но все им как-то записки на поминовение за денежку передают... В лесу, километра полтора от озера, стоят три могилки. Видимо там три богатыря лежат. Это ведь, когда брань там была, то они не выдержали... А может, и монахи это...

Люди много ездят за рубеж сейчас, а пешком-то не ходят, своей земли не знают. А я, бывает, по 100 километров прохожу.

Кто-то из участников экспедиции включился в нашу беседу:

– А старцев встречали? Или все они уже перевелись?

– Нет-нет, старцы есть, только они в пути... На Соловках я был. Есть там человек такой, не то что старец, но «видящий». Он смотрит на меня, и я понимаю, что он знает мои мысли. Там на Соловках вообще вещи удивительные происходят. Поставил я там палатку, а оказывается, что за это еще и деньги платить надо – ну, земля что ли частная. Так вот женщина, которая эти деньги собирала, три дня вокруг моей палатки ходила и в упор ее не видела. Вот так...

Вы ведь знаете, что вокруг нас не только люди ходят, но и нелюди. Нет? Как? Очень просто: вот ты смотришь – человек, а он и не человек вовсе!

– А кто же это тогда?

– Не знаю. Нелюди. Я и на Соловках одного такого видел. Его и тот соловецкий «видящий» тоже опознал.

Со скитниками еще я встречался в Красноярске. Один знакомый мой нашел такой скит, там семейные живут. Я был свидетелем, как туда человека принесли покрытого пятнами, думали что неживой, а скитники молились о нем, и он отошел. Они молились сильно, как будто работали. Скит этот был, этих, часовенных.

В 90-е хулиганы везде залазили. Так вот, под Красноярском за 200 км обнаружили скит, дома там простые. Но все жители на следующий день ушли, чтобы с «мира» подальше.

Алчущий

Как бы ни был интересен и удивителен разговор с Александром, мне хотелось немного побеседовать и с Рифатом, также пришедшим в нашу «обитель». Рифат выглядел очень уставшим, так что я рисковал упустить шанс побеседовать с незнакомцем, который в любую секунду был готов отдаться в объятия Морфея, на столе или на пути к кровати. Я начал разговор:

– А Вы тоже старообрядец?

– Я из Тюмени.

Рифат играет в волейбол со старообрядцами

Ответ сонного страдальца был «не по адресу», но я продолжал атаковать:

– Тоже паломничествуете?

– Я даже не знаю, каким чудом я здесь оказался. Я приехал с этим вопросом к священнику. Я пришел с целью креститься. Многие религии видел.

– А какие религии и где Вы видели?

– Мусульманство, католичество. В Индонезии – буддизм. Я недавно решил креститься и приехал в Сергиев Посад, чтобы со священниками

поговорить. Там я случайно с Александром познакомился, а от него впервые узнал про старообрядчество. Я захотел узнать, в чем различия православия и старообрядчества, и для этого приехал сюда.

– Вы учитесь?

– Я нигде не учился. Я у жизни учусь.

В следующие дни мне удалось более обстоятельно поговорить с Рифатом и выяснить мотивы его приезда в Кострому и характер духовных поисков. Признаюсь, я был глубоко удивлен открытостью и искренностью этого человека. Особенно сильно располагали к себе его большие черные глаза, служившие как бы дополнительным и неопровержимым подтверждением каждому его слову.

Рифат оказался очень интересным человеком: он исколесил полмира, если не весь мир. Охват стран, в которых он побывал, столь широк, что я и не старался запомнить их список. Он побывал в Африке, Индии, странах Средней Азии, Латинской Америке, а в ближайшем будущем собирается посетить США.

Самое удивительное для меня было впереди, когда Рифат действительно начал не просто любопытствовать, а изучать старообрядчество. Он внимательно выслушивал долгие наставления Александра, задавал вопросы, за два дня прочитал Евангелие от Марка и комментарии к нему, а затем принялся за жития святых.

Чем больше я беседовал с постигающим азы Веры «странником», тем больше удивлялся умению моего собеседника проникать в самую суть написанного и применять прочитанное к реалиям жизни.

Рифат после крещения – участник крестного хода

Настоятель собора все не приезжал, но Рифат упорно продолжал ждать его, отложив все свои дела, хотя они и сулили ему приличную коммерческую выгоду. Он искренне верил, что длань Господня направила его сюда неспроста,

и поэтому он здесь должен оставаться вплоть до приятия крещения.

Я так и не успел увидеть крещение Рифата. Уже по возвращении из экспедиции я узнал, что он крестился с именем Рикс.

IV

19. 07. 2017

Таежные былички

Вечером за чаем беседовал с Александром. Он рассказывал мне про особенности таежной жизни. Мой собеседник не раз сам охотился, приходилось и ночевать в лесной сторожке, и со зверем встречаться лицом к лицу.

Вот несколько таких историй бывалого уральского старообрядца.

Лесной хозяин

– Как-то пришлось заночевать мне с другом в лесной сторожке. Вот мы уже разделись, легли спать. И вдруг я слышу, что кто-то ломится в дверь, очень сильно так, несколько раз подряд. Я встал, друг мой тоже испугался. Я спросил: «Кто там?» За дверью тихо. Обоим страшно – боимся. Напарник мой, Алексей, и слова вымолвить не может, только рукой на окно показывает. Я – к окну, там тоже никого. А он все на окно пальцем указывает. Тогда я только догадался на щеколду закрыть. Только я это сделал, как Алексей стал смеяться. Смеется и остановиться не может, ну, истерика у него. Тогда я говорю ему: «Алексей, у тебя ружье украли». А у него, действительно, ружье было очень хорошее, дорогое, он любил его, как жену. Это-то ружье он у двери снаружи и оставил. Он затих. Тогда я взял свое ружье, зарядил его. Мы оба подошли к двери и приоткрыли ее. За дверью – тьма и ни шороха. Алексей быстрым движением руки схватил свое ружье, оказавшееся нетронутым, а я быстро захлопнул за ним дверь. Но страх нас не покидал. Тогда мы решили все-таки проверить, есть там за дверью кто-то или нет. Для этой цели мы вытолкали нашу гончую за дверь, но к нашему удивлению, собака не залаяла. Лишь в окно мы увидели, как она пробежала метров двадцать и спряталась в сугробе. Наконец мы сами решились выйти из избы: на улице тихо и следов нет. Нам потом опытные сказали, что это Он приходил.

– Кто «Он»?

– Хозяин, наверное.

Ведьма

– Как-то приехал я в одно село, не помню, где именно это было. Нужно мне было переночевать. Я спросил у одного мужика, кто пустить может, а он сказал, что есть пустая изба – там переночевать можно. Только, говорит, что там ведьма раньше жила. Дескать, осторожнее будь. Ну, расположился я в избе, лег на кровать и читаю книжку. Через какое-то время слышу: шум из кухни. Так, знаешь, что-то шипит, все сильнее, сильнее. Смотрю на часы – полночь! Я испугался, стал Псалтырь наизусть читать. Молюсь, а за дверью все шипит. Тогда я набрался духу и вошел в кухню. Там нет никого, только что-то под печкой шипит (6). Смотрю вниз, а это банки с вареньем, оказывается, забродили. Вот тебе и ведьма! Я бы так, конечно, и не испугался бы, если б это не ровно в полночь началось...

Маргиналии

В качестве послесловия

Напоследок, я хочу рассмотреть одну Псалтырь из собрания Церковного Историко-археологического музея Костромской епархии (7). Псалтырь и маргиналии, в ней содержащиеся, интересуют меня с культурологической точки зрения: как книга живет в культуре, что она говорит о представлениях и мировоззрении людей. Церковные книги, как это показывают большинство описей экземпляров с маргиналиями и записями, тоже странники, часто не имеющие постоянного владельца, несмотря на желания вкладчиков оставить книги навеки в церковных ризницах.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу материала, следует сделать одно терминологическое уточнение. Под маргиналиями здесь я понимаю все записи, непосредственно к тексту не относящиеся, но связанные с ним опосредованно, – в данном случае и записи, относящиеся к книге вообще, но не к ее смыслу: вкладные, поминальные и проч. Этот подход не противоречит устоявшейся терминологии: «под маргиналиями здесь понимаются тексты, вторичные по отношению к основному, обязанные ему своим происхождением и расположенные вне его строк, т.е. на полях, между строками и т.д.» – такое определение, например, дает С.А. Кудрявцев в статье «Маргиналии в кириллической книжности XVI–XVII вв.» (8).

Теперь перейду непосредственно к книге. В конце одной из описанных нашей экспедиционной группой Псалтырей (ПСАЛТЫРЬ. Московский Печатный двор, 17.03.1648 (11.01.–

17.03.7156). Алексей; Иосиф. КМЗ КОК 25632/41) вложен небольшой лист разлинованной бумаги 20-го века с записью «Романька! Оставляю тебе Псалтырь хотя ветхая но очень древняя ей 350 л. листы вырваны в трех кафизмах их пришей и неторопясь почитывай жаль что не могу тебя что учить по ней молиться но может найдешь какую старушку которая знает это моление других книг пока не у кого не нашла да еще маменькай молилась».

Именно эта запись помогает «прочитать» книгу как культурный феномен. Запись фиксирует момент передачи книги, по-видимому, от матери к дочери. Притом в записи упомянута и бабушка «Романьки», так же молившаяся по этой Псалтири. Древность Псалтири (старопечатная Псалтырь 1648 года) и трепетное отношение к ней ее владельцев указывают нам на конфессиональную принадлежность обладателей книги – они были старообрядцами. Именно поэтому мать советует своей дочери Романьке найти старушку, которая «научит» молиться по Псалтири. Что значит «научит»? Старообрядцы зачастую на домашней молитве не ограничиваются «началом», но молятся по Часослову, то есть стремились и стремятся хотя бы частично следовать богослужебному кругу: 3-й, 6-й, 9-й час, вечерня, повечерница, полунощница. За неимением часослова, можно пользоваться Псалтырью, однако нужно свободно в ней ориентироваться и знать, где вставить необходимые молитвы. Этому-то и должна была обучиться Романька.

Состояние книги, наличие следов реставрации и поновлений разного времени говорит о продолжительном использовании ее на протяжении веков. Например, между л.1 и л.2 второго счета вставлен лист неперфорированной бумаги XIX в. со штемпелем в левом нижнем углу, значит, книга реставрировалась в XIX веке. Текст на многих листах восполнен при реставрации. Многие листы посажены на фальцы, неоднократно подклеивались.

Но особое внимание стоит обратить на следующую деталь: первые три тетради сшиты дополнительно белыми нитками. Теперь вспомним наставление Романьке, которое записала в Псалтырь ее мать: «...листы вырваны в трех кафизмах их пришей и неторопясь почитывай...» Нить традиции не прервалась: Романька сшила первые три тетради и, можно полагать, продолжала молиться по Псалтири так же, как это делали предыдущие владельцы книги на протяжении трехсот с лишним лет.

Примечания:

1. Сжигание иконы – допустимый метод утилизации святыни в православной традиции. «Еще епископ Кипрский Леонтий, возражая иконоборцам на обвинение иконопочитателей в поклонении материи, говорил о допустимости сжигания старых досок: «У нас не поклоняются образам и иконам, и фигурам святых как богам. Ибо если бы мы поклонялись дереву иконы как Богу, то, конечно, поклонялись бы и остальным деревьям и не сжигали бы икон, как часто бывает, когда образ изглажен» (Иоанн Дамаскин. Творения. Т.1. СПб., 1913. С.422. Цит. по: Тарасов О.Ю. Икона и благочестие: Очерки икононого дела в императорской России. М.: Прогресс, Традиция, 1995. С.99). Однако сжигание как метод утилизации икон в народной среде не пользуется популярностью. Обычно икону сплавляют по воде или закапывают: «Еще чаще в народе боялись сжигать иконы: их пускали по воде вверх ликом или же суеверно хоронили на кладбищах...» (Тарасов О.Ю. Там же). Так поступают и современные северорусские крестьяне. Такой диалог приводит одна из исследователей: «[Старую икону можно выбросить?] М-м [нет]. Даже в печке сжигать низя. [А что с ней делать?] А лучше закопай, выбрасывать низя – штобы кто-то подобрал и кто-то над ней поиздевался, лучше закопай ее [ААИ]». (Ляхова Ю. Икона в жизни современного севернорусского крестьянства // Электронный ресурс: РГГУ. Фольклор и пост-фольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/LIu1.htm>). Поэтому сжигание икон старообрядцами, как правило, живущими устоями сельской аграрной культуры, несколько необычно.
2. Для поморцев свойственно компромиссное отношение к власти. Традиции паритета с властью восходят к первым киновиархам Выгорецкого общежития, которые были вынуждены принять ряд условий светской власти ради сохранения обители. Большая часть беспоповцев-поморцев приняла молитву за царя. «...эта молитва являлась символическим признанием Российской государственности как христианского учреждения и проявлением чувства их неразрывной исторической связи с большинством православного русского народа» (Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. М.: Институт ДИ-ДИК, 2006. С.325). Помимо молитвы за царя и двойной подати, братьям Денисовым, руководившим Выговскими монастырями, приходилось воздерживаться от открытой критики властей и по ряду других вопросов: «Необходимость сохранения *modus vivendi* с императорской властью, равно как и реалистическое отношение Денисовых к правительству не позволяли братьям открыто осуждать царскую военную политику». (Зеньковский С.А. Там же. С.594.).
3. Мф. 16:18.
4. Является наиболее крупным сообществом старообрядцев-поповцев и имеет епископат, ведущий свое начало от бывшего Босно-Сараевского (Кон-

стантинопольский Патриархат) митр. Амвросия (Паппа-Георгополи). (Панкратов А.В. Белокриницкая иерархия // Электронный ресурс: Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/77938.html>).

5. Русская народная традиция, как правило, не говорит о чудесах антихриста, а описывает некоторые чудесные с ее точки зрения реалии, которые мыслятся как знаки приближения конца мира. Чаще всего подобные представления связываются с появлением новой техники. (Бессонов И.А. Русская народная эсхатология: история и современность. М.: Гнозис, 2014.С.136).
6. Хотя в этом рассказе Александра нет ничего сверхъестественного, но зато в его опасениях выражена типичная для русских быличек модель поведения нечисти в доме ведьмы: «Поведение чертей в жилье самого колдуна во многом аналогично действиям напущенных нечистых в доме другого человека... И в том, и в другом случае черти шумят, различными способами мучают хозяина дома, не дают ему спать, в доме “чудится”». (Кузнецова Н.В. Черти в доме (опыт сравнительного анализа персонажей русской народной демонологии) // Традиция в фольклоре и литературе. Статьи, публикации, методические разработки преподавателей и учеников Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, 2000. С.28).
7. Описание книги любезно предоставлено Екатериной Дилигул.
8. Кудрявцев С.А. Маргиналии в кириллической книжности XVI–XVII вв. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2005. [Вып. 6]. С.60-74.

**Валентин Голубев, 4 курс,
Философский ф-т МГУ**

ОПЫТ ДОРОЖНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Наша экспедиция исследует традиционную культуру старообрядцев, которая, хотя и сохраняет черты русской культуры допетровского времени, не чужда новшествам – неизбежному следствию внутренней эволюции, с одной стороны, и поиску ответов на вызовы времени, с другой. Однако старообрядцы как конфессиональная группа, имеющая четкие границы, отделяющие их от других социальных групп, давно перестали бы существовать, если бы не особое отношение к действительности, вот уже четвертый век стоящее на страже этих границ. Любые общественные изменения, так или иначе затрагивавшие жизнь староверов, преломлялись через особые мировоззренческие установки, которые оказали решающую роль в создании и сохранении традиционной старообрядческой культуры. Так, мы подошли к проблеме мировоззрения как фактора, обуславливающего культурные особенности его носителя, в качестве которого может выступать как отдельный человек, так и социальная группа.

Любопытнейший материал последней экспедиции дает возможность рассмотреть этот вопрос под другим, смещенным с нашего привычного объекта исследования, ракурсом: какие мировоззренческие особенности лежат в основе современной городской провинциальной культуры? (Под городской провинциальной культурой мы в первую очередь подразумеваем ценностные ориентиры, модели поведения и образ жизни жителей провинциальных городов как особой социальной группы; мировоззрение же рассматривается как совокупность идеалов, убеждений и принципов – речь о них пойдет ниже.) Вряд ли можно поспорить с тем, что города в настоящее время, будучи местом концентрации общественной активности в духовной и материальной сферах, играют ведущую роль в формировании культуры общества в целом. Городской культуре противопоставляется сельская, отличающаяся особой ролью традиции, персонификацией межличностных отношений, коллективистским духом и т.д. Особого внимания заслуживают провинциальные города, которые, в силу тесного контакта с деревенским народным миром, испытывают сильное влияние традиционной культуры, что нередко дает повод обвинять провинцию в застое, инертности и враждебности социально-

му процессу. Одновременно сельская культура противопоставляется городской официозности и суете, ассоциируется с духовной цельностью, большей общественной сплоченностью, спокойствием и размеренным бытом.

Таким образом, если рассматривать мировоззрение как фактор, обуславливающий культуру, то можно, проанализировав мировоззренческие установки городских жителей провинции, попытаться найти истоки и объяснить особенности провинциальной городской культуры современной России. Источником для этого небольшого исследования послужат беседы с двумя жителями Костромской области, таксистами по профессии, непреднамеренно и неосознанно ставшими нашими респондентами. Конечно, мы не можем претендовать на полноту будущих выводов, так как имеем дело с двумя отдельно взятыми кейсами, однако некоторые из сторон поставленной проблемы постараемся осветить. Для этого нами используется кейс-метод, позволяющий изучать культуру «через призму личных историй героев» (Христофорова О.Б. Одержимость в русской деревне. М., 2016. С.11.), широко используемый в современной полевой антропологии.

Кострома, автовокзал. Фото В. Елагиной

Перемещения в такси были не целью, а только средством, вынужденной и рутинной частью нашей практики. Однако избыточность и любопытный характер информации, которой делились водители со своими случайными попутчи-

ками, заставили нас включить диктофоны и внимательно следить за ходом мысли рассказчиков. С Петром – приятным мужчиной с гармоничной внешностью и добрыми глазами, выглядывшим моложе своих лет (он 1961-го года рождения) – мы познакомились на автовокзале по пути из села Красное-на-Волге, славящееся ювелирным делом. Наш второй герой представился Саней. Ему навскидку около 35 лет, в сравнении с Петром он ниже ростом, мягче телом, но живой и бодрый.

Сравнивать мировоззренческие установки Петра и Сани мы будем по критериям, составляющим три уровня мировоззрения: духовно-практический (идеалы), познавательно-теоретический (принципы) и деятельностно-практический (убеждения). Идеалы определяют жизненную программу и конечные цели личности (социальной группы) и являют совершенный образ общественной и личной жизни. Система принципов понимания мира выступает как наиболее общая форма организации сознания, она определяет концепцию жизни, понимание окружающего мира и его законов. Убеждения определяют жизненную позицию и выступают как установки и стереотипы действия, формирующие устойчивую линию поведения (См., например: Антошкина З.Г. Мировоззрение и культура личности // Материалы научной конференции «Философские аспекты культуры». Казань, 1993. С.22-24.). Но прежде чем приступить к непосредственно анализу, мы обозначим несколько важных наблюдений, призванных глубже охарактеризовать наших героев и проследить истоки их мировоззрения.

Ключевым моментом в формировании каждой личности являются отношения внутри семьи. Петр – третий ребенок в многодетной семье. «Хорошо, когда родственники-то есть», – произнес Петр после телефонного разговора с сестрой. Вообще значение родственных, а также дружеских и приятельских связей для Петра очень велико: зная, что переезд на новое место может изменить его жизнь к лучшему, он все же не решается на этот шаг (по крайней мере, пока). «Да как же, ни друзей, ни знакомых, ничего. Женюсь если, семья новая будет, а все равно, надо знакомых, друзей и поддержки». Впрочем, с присущим оптимизмом, добавляет: «А с другой стороны, везде жить можно... и в Сибири красиво, на Урале красиво, люди хорошие...». С большой любовью и живым участием Петр рассказывал о своих предках. О прадеде с врожденным пороком сердца, который по сове-

ту одного дедушки ел вареных ежей и умер в глубокой старости, сказав перед самой смертью: «Ой, девчонки, как сегодня я устал, за 105 лет в жизни так не уставал...». О дедушке и бабушке, раскулаченных во время коллективизации: «А у моей мамы родители тоже были добрые, порядочные... Папа ювелиркой занимался, а пришло время – раскулачили. Бабушке 30 лет, она постарела как старуха – близко к сердцу приняла – через полгода умерла». С женой Петр развелся несколько лет назад, от нее имеет двух совершеннолетних детей. Долгое время он пытался ужиться с ее скверным характером, но когда понял, что «она двойную жизнь вела», ушел, как он сам говорит, в одних штанах.

Саня рассказывал, что его прабабка была чародейкой, к которой часто обращались за помощью, но которая, умирая, так и не смогла найти себе преемника. О матери Сани нам известно только то, что он успешно лечил ее с помощью рук («боль проходила, руку приставлял – и все») после того, как ее сбила машина. Саня признался, что эту идею ему подала телевизионная передача. Санин единственный сын видит покойников и разговаривает с ними (например, у крыльца заброшенного дома, хозяин которого, как впоследствии оказалось, кончил жизнь самоубийством).

Таксист Петр

Итак, Петр вырос в многодетной семье, с большим знанием и уважением говорит о своих предках, дорожит родственными отношениями и рассматривает коллектив (родственников, друзей и т.д.) как надежную опору и источник поддержки. Петр – несомненно, семейный человек, и то, что происходит в его личной жизни – скорее злая насмешка судьбы, нежели вина самого Петра. Из всего сказанного можно сделать вывод об ориентации Петра на традицион-

ные семейные ценности и прочном укоренении в его мировоззрении соответствующих им идеалов, принципов и убеждений. В жизни Сани и его семьи неотступно присутствует сверхъестественное, выраженное в обладании тайными знаниями и необычайными способностями. Истоки некоторых основ Саниного мировоззрения можно искать в народных поверьях и народной колдовской практике, а также в их интерпретации современными СМИ, популяризирующими «мистическую» тематику.

Примечательно, что в жизни обоих респондентов четко прослеживаются поворотные точки, если не завершившие формирование их мировосприятия, то, по крайней мере, придавшие ему ярко выраженные индивидуальные черты. У Петра это целая полоса неудач: сложные отношения с женой и необъявленный поджог дома конкурентом-ювелиром, в результате которых он развелся, был вынужден закрыть предприятие, взять кредиты и стать таксистом. У Сани – клиническая смерть, вызванная передозировкой наркотика. Вместе с основательной рефлексией всего пережитого, подведением итогов пройденного этапа, в жизнь наших героев, словно в распахнутую дверь, вошел «мистический» дискурс. Одна знакомая, сверившись с лунными календарями, сказала Петру, что его род засиделся в Красном – отсюда все несчастья, и чтобы жизнь наладилась, надо из села уехать. А еще Петр поделился: «Вот когда с женой были неполадки-то, цыганочка подходит: "Молодой человек, а покурить не будет у вас?" А я как раз бросил, в октябре было бы год как бросил. Говорю: "Я курить-то бросил и вам не желаю". Она так посмотрела – говорит: "У вас скоро начнется светлая жизнь, и проживете вы 92 года". И ушла».

Свою историю рассказал и Саня: «Видел солнышко – бог Ра которое называют, которое подлетело, когда у меня была клиническая смерть, оно меня из тоннеля вытащило... Он мне показал прошлые жизни». Что же он видел? «Как умирал сколько раз – в пустыне один раз умирал, видел, как пирамиды строились, видел, как утонул – рыбаком, оказывается, был». (Интересно, что еще в начале разговора Саня рассказывал, что в 10-12 лет вдруг начал плести рыболовецкие сети, хотя он этому не учился, никогда не рыбачил и боялся утонуть.)

Существует точка зрения, что человек отчаявшийся, переступающий в своей жизни важный рубеж, склонен искать (и находить!) знамения, данные свыше, дабы объяснить происходящее и принять правильное решение, от которого может зависеть вся последующая жизнь. Таким образом,

человек в определенной ситуации сам порождает «мистический» дискурс. На данный момент мы не имеем достаточного количества данных, чтобы это проверить. Можно, однако, точно констатировать, что в Саниной жизни он присутствовал и раньше, с той разницей, что предсмертное видение ответило на важные вопросы, заданные ранее, и укоренило его представления об устройстве мира.

Перейдем к рассмотрению мировоззрений. Идеал Петра – честная жизнь, как на бытовом, так и на государственном уровне: «Жили бы все по-честному, и всем бы было легче жить. Ни обмана, ничего, мир с соседями, доверяли бы друг другу. Красота!» Или: «Живешь если на государевой службе, работой для народа, вот и все, все по-честному. Ни себе и никому не давай, чтобы все по-честному было... Денег тоже сколько выделяют, а истратят сто тысяч, списывают миллион, ну как это так, ведь непорядочно все это». Так же часто Петр твердил о том, что главное в жизни – жить ради цели и интереса, с любовью к делу, которым занимаешься: «Бывает так тяжело, а когда добиваешься цели, месяц – и уже не интересно, и уже ставишь задачи еще тяжелее. И опять с пробуксовкой – вот это жизнь, вот это нормально. А некоторые, наоборот, ради денег, любыми путями чтобы деньги были. Деньги добро не приносят». Сам Петр верен своим идеалам. Судя по его словам, он трудолюбив и очень трудоспособен: «Усталости никакой нет вообще... Чем больше занимаешься, такой азарт, и откуда только силы берутся! Видимо, Господь дает эти все силы. Видит, что человек трудится – надо ему дать здоровье и все. Может быть, да?»

Идеалы Сани пересекаются с идеалами Петра в вопросах моральной ответственности. Правда,

Саня выражает эту мысль, выступая против религии и ее последователей, к которым настроен враждебно: «В церковь ходят – грехи замаливают – нельзя так делать, у человека должна быть совесть, он сам должен искупать свои грехи, а не пришел, замолил. Это, я думаю, нехорошее такое дело». Показательно и его мнение о крещении, которое он сравнивает с подписанием контракта с дьяволом: «с детства тебя рабом Божьим делают». Идеалом Сани являются готовность человека нести ответственность за свои поступки и свобода личного выбора.

Теперь о принципах. Краеугольным камнем в мировоззрении Петра является уверенность в том, что любое зло возвращается бумерангом. Убежденность в этом Петра тем сильнее, чем чаще этот принцип подтверждался на практике: будь то жена, которая пыталась настроить детей против него, но получилось с точностью до наоборот, или конкурент-предприниматель, который за поджог его дома расплачивается тяжелой болезнью.

Санины представления об устройстве мира смело выходят за рамки земной жизни. Он уверен, что человек постоянно перерождается, и чем душа старше, тем он больше знает, видит и умеет. Еще в рассказе о посмертных видениях Саня упомянул: «Я видел... когда люди еще появлялись. Мы роботы, а боги – наши создатели, по подобию себя. Сделали нас из пробирки: взяли свою яйцеклетку, внесли изменения, чтобы мы были менее разумные и ничего не помнили». Если это знание взято из собственного трансцендентного опыта, то многие другие сведения, которыми насыщен рассказ Сани, были почерпнуты из псевдонаучных телепередач и интернета (боги перерождаются каждые 2000 лет, и наш президент – один из них; 2000 лет назад была война богов и людей; раньше на Земле жили великаны и т.д.). Касательно земной жизни, Саня решительно отвергает существование предопределения: благополучие человека зависит только от него самого, судьба – это механизм, настраиваемый человеком.

Наконец, рассмотрим убеждения. У Петра они в подавляющем большинстве относятся к вопросам нравственности. Страсть к деньгам Петр называет «денежной болезнью», она заслоняет главный смысл человеческой деятельности – движение к цели и интерес к работе и жизни в целом. Самым страшным врагом человека он считает страх, мешающий реализовать планы и возможности. «Ничего не надо бояться. Есть что бояться – то в этой жизни?» – спрашивает Петр. «Надо жить,

как подсказывает сердце», – говорит Петр, не смотря на то, как часто следование этому принципу выходило ему боком. «Меня до сих пор обманывают. Меня обманывают – я все равно доверяю, верю и даю. Почему – не знаю. Столько всего пораздавал, ё-моё-е! Все под честное слово, все на доверии. Пока на такси 4 года катаюсь, тыщ 200-250 мне должны. Как не дать? Может, тысячный человек оказался в беде, а я ему отказал, а потом буду с этим жить».

Принцип Сани, относящийся к духовной стороне жизни, направлен на саморазвитие. Он против высшего образования, которое, по его мнению, полезно только для работы, совершенствоваться же нужно самостоятельно. К знаниям, которые навязывает официальное образование, Саня призывает относиться критически. Еще со школьной скамьи он не любил историю, называя ее чушью и неточной наукой, в которой изучают «то, что, возможно, не было».

Настало время свести наши наблюдения воедино, подведя итоги. Мировоззрение Петра можно охарактеризовать такими чертами, как ориентация на традиционные ценности, сосредоточенность на философско-нравственных вопросах, стремление преобразовать мир к лучшему и опора на богатый и многообразный жизненный опыт. Ключевые маркеры Саниного мировоззрения – ориентация на нестандартный жизненный опыт, одновременно перекликающийся с колдовской народной традицией, убежденность в собственной посвященности в тайны мироустройства, синкретизм знаний, почерпнутых из верифицируемых и неверифицируемых (псевдонаучных) источников. Последнее составляет существенное отличие Саниного мировоззрения от мировоззрения Петра, которое не подвержено столь глубокому влиянию массовой культуры – в частности, восприятию популярных в сегодняшних СМИ «мистических» передач. Своеобразие Саниной ситуации придает то, что ввиду имеющегося необычайного опыта, располагающего его к этой тематике, такая информация зачастую воспринимается им не как развлекательная, а как просветительская, и органически внедряется в его мировоззренческую систему.

Представляется, что мировоззрение Петра более типично для жителей негородских поселений, в которых прочно сохраняются элементы традиционного уклада. Санин же мировоззренческий синкретизм, хотя и присущ и городским, и сельским поселениям, более свойственен городской культуре, отличающейся синтезом противоречий, следующих из особенностей

городской жизни. Можно заключить, что провинциальная городская культура, представителями которой являются наши герои, неоднородна, и в ее лице прослеживаются черты как городской, так и сельской культур.

Елизавета Карпукова, 3 курс, Истфак МГУ

ФАИНУШКА

Стремление получить наиболее полное представление о Ярославско-Костромской епархии РПСЦ привело нашу экспедицию в Шую Ивановской области. Новость о том, что местный депутат перешел в старообрядчество и занялся восстановлением храма, возвращения которого старообрядческой общине он сам и добился, только подогрело наш интерес. Однако, как до поездки, так и во время, неоднократно, как бы между делом, нам приходилось слышать: «Там почти никого не осталось. Вряд ли вы что-то найдете». Что ж, откровенно говоря, с этим чувством мы и отправились в путь. Но, по удивительной закономерности, места, встречи и люди, от которых ты ничего не ждешь, становятся наиболее памятными. Никто не предполагал, какими сюжетами ознаменуется для нас эта поездка. Одному из этих сюжетов я и хочу посвятить этот очерк.

Во время нашего пребывания в Шуе мы провели несколько встреч с краеведами. На одной из них историк местного университета Юрий Анатольевич Иванов в ответ на вопрос о том, есть ли в Шуе юродивые, места и предметы поклонения верующих, ответил: «Фаинушка. Но ее нельзя юродивой считать, она провидица. Могила ее на Троцком кладбище».

Тем не менее, немногочисленные источники упоминают о Фаине Андреевне Корнителевой именно как о взявшей на себя подвиг юродства. Родилась она в 1872 году на Вологодчине. Рано осиротев и будучи старшим ребенком в семье,

Фаина заменила родителей младшему брату и сестрам. Во Владимирской губернии она оказалась благодаря средней сестре Анне, вышедшей замуж в Шуе. За Анной последовали все остальные члены их семейства. Вскоре и Фаина попыталась устроить здесь свою судьбу, выйдя замуж то ли за полицейского, то ли городского по фамилии Закорюкин, о котором не известно ничего, кроме причины смерти – самоубийство, совершенное им вскоре после смерти малолетней дочери. Что явилось причиной трагического ухода из жизни супруга Фаины доподлинно неизвестно, но именно отсюда начинается история Блаженной.

Фаина (крайняя слева) с сестрами и братом

После череды потрясений в поведении Фаины появилось много странностей: она начала говорить несвязные вещи, носить большое количество одежды и все, что попадало к ней в руки, прятать за пазухой. Решив, что старшая сестра повредилась рассудком от горя, родные определили ее в психиатрическую лечебницу. Однако врач-психиатр после продолжительной беседы с ней убедил их в том, что она совершенно здорова. После этого младшая Людмила забрала Фаинушку к себе домой. Она вела жизнь крайне аскетичную – летом спала на дровах в сарае, зимой – дома на полу, и таскала на себе невероятно тяжелый рюкзак. Когда в

ней открылся дар прозорливости и целительства, был ли при этом кто-то, кто толковал для других ее бессвязные речи, и как скоро распространилась молва о появлении провидицы – на все эти вопросы у нас так и нет ответа. Все свидетельства носят описательный характер и зафиксированы из вторичных источников. Вот пример одного из них: «Нина Леонидовна, прихожанка Воскресенского собора, вспоминала о своих встречах с Фаинушкой. Первый раз она увидела ее после того, как, выйдя замуж за военного, приехала в Шую, куда мужа отправили служить. В то время в городе уже знали Фаинушку как человека Божия. Поэтому Нина подошла к ней на паперти и протянула ей милостыню со словами: «Возьми Христа ради!» Фаинушка пристально на нее посмотрела и промолвила: «Морковь, картошку не копай, капусту не режь!» В скором времени после этого мужа Нины перевели служить в другой город. Они уехали из Шуи и за семь лет переменили семь городов. При такой жизни действительно не приходилось думать о том, чтобы заводить хозяйство или огород».

Все скудные свидетельства, которыми мы на сегодняшний день располагаем, исчерпываются отрывком из книги о Воскресенском соборе, который кочует из одного интернет-ресурса, посвященного Шуе, в другой. Судя по нему, при жизни Фаины основной причиной, по которой земляки обращались к ней, было желание узнать что-то о своем будущем или судьбе родных, ушедших на войну. О том, как и когда сложилось почитание места захоронения провидицы нам ничего не известно (Воскресенский собор города Шуи и чудотворный Шуйско-Смоленский образ Богоматери // URL: http://family-history.ru/temples/temples_44.html).

«К ней ходит масса народу. У любого на Троицком кладбище пожилого, разумеется, человека спросите и вам покажут, как к ее могиле пройти», – сообщил нам Юрий Анатольевич. В этот же день мы отправились к Фаинушке, тем паче, что дорога проходила по уже знакомой нам местности. Пройдя через городской парк, тот самый, где находится восстанавливаемый старообрядческий храм, мы увидели резкий спуск вниз и холм, на котором расположилось Троицкое кладбище. Рядом – городской пляж и прекрасный вид на реку Теза. После первой неудачной попытки разведать обстановку, дорогу нам подсказала, вопреки замечанию Юрия Анатольевича, молодая женщина, пришедшая сюда со своей семьей:

- ...про нее знаю, потому что часто туда ходили.
- Вы записочки писали?
- Да. Она исполняет все, на себе проверено. Ну, а так, да – записочки.
- Даже молодежь, получается, ходит?
- Угу.
- Вы говорите, что на себе проверено?
- Да, проверили, скажу честно.
- Ну, расскажите нам какую-нибудь историю.
- Ну, дело в том, что я семь лет тому назад хотела поступить в академию и, перед тем, как поехать поступать, вот попросила и поступила. На бюджет, бесплатно, большой конкурс был.
- Самые разные просьбы получается. А где вы учились?
- В Перми, в фармацевтической академии.

После короткого разговора мама девушки указала на тропинку, уходящую в сторону, и пояснила, что мы обязательно узнаем искомое. Сделав круг и ничего не найдя, мы еще раз обратились к посетителям кладбища с просьбой дать нам какой-нибудь ориентир. Пожилая пара обрадовала нас, сказав, что мы недалеко, но описала могилу Фаинушки как что-то «с часовой». Ничего похожего на часовню нам не встречалось ни до, ни после, а вот один крест, заметно возвышающийся над другими, попался на обратном пути в некотором отдалении от тропинки и обратил на себя наше внимание. Пробравшись к нему между оградками, мы увидели табличку: «Раба Божия Фаина. 20.07.1872–1945.03.07. Блажени нищии духом, яко тех есть царствие небесное» и нерезкую черно-белую фотографию молодой женщины в темном платке, хотя Фаина, судя по датам, расположенным в странной последовательности, умерла в довольно почтенном возрасте. Вокруг могилы стояло много подсвечников и живые

цветы, на металлической ограде – цветы искусственные и два целлофановых пакетика с записками. Рядом с могилой – еще одно захоронение, деревянный крест пониже, без двускатной крыши, как у Фаины, и никакой таблички.

Пока мы снимали видео и делали фотографии, к могиле подошли трое: мужчина в подряснике, оказавшийся священником Воскресенского собора, и два молодых человека в одинаковых зеленых футболках. Мы попросили их рассказать про рабу Божию Фаину:

– А вы что, не знаете? – поинтересовался священник.

– А мы неместные. Нам сегодня краеведы сказали, что сюда стоит сходить.

– Сегодня ее День рождения.

– Правда? Да, действительно, двадцатое число.

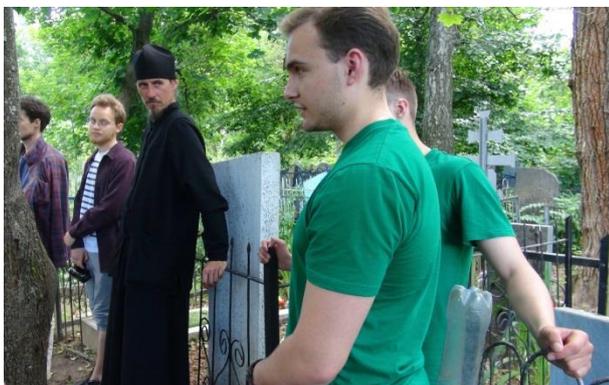
– Всегда усиленно молилась в соборе Воскресенском, была очень спокойная, незаметная. Очень мирная духом была. Вот пришли помолиться, завтра экзамен.

– В семинарии?

– Ребята в семинарии учатся, завтра на права сдают.

– Значит здесь не только о здравии, по любому поводу можно просить?

– «По вере вашей будет вам». Видите, какой лик... мир исходит. Самое интересное, ее фотографий вообще нету, отдельных фотографий.

Несмотря на удачное стечение обстоятельств, выяснить что-то большее у наших собеседников не удалось, ибо знанием каких-либо подробностей жизни Блаженной они не располагали. Но, вне всякого сомнения, для нас остается очень важным факт встречи с клириком кафедрального собора и студентами МДА на месте погребения непрославленной святой. Вопрос о канонизации также остался открытым – главными препятствующими факторами были представлены отсутствие доказательной базы о произошедших чудесах и нежелание людей, обращающихся за помощью, что-либо афишировать. Хотя, по утверждению одного из семи-

наристов, об этом месте он узнал по рассказу учителя, исцелившегося от смертельного заболевания после молитвы на могиле Фаинушки. Сходный комментарий мы получили и от Юрия Анатольевича: «Речь шла о том, чтобы сделать ее местночтимой, но это осталось... скажем так, это народная память и народное поминание, непризнанное законными структурами. Но они не возражают».

Всего за один день, совпавший с днем рождения Фаины, нам повезло стать свидетелями почитания непрославленной местночтимой святой. Это открыло для нас целый ряд перспективных вопросов: география почитания, выяснение всех его аспектов и путей трансформации, уточнение функциональности культа, а также сравнительный анализ с известными нам историями Насти Вирятинской и Дунюшки Чудиновской из Тамбовской и Челябинской областей, актуализирующий еще и гендерную проблематику. Все это требует куда более предметного исследования и стоит, как минимум, еще одной экспедиции.

Валерия Елагина, 5 курс, ПСТГУ

ЛЕГЕНДЫ КОЛОГРИВА

В 2017 году археографическая экспедиция МГУ продолжала свою работу в Кологриве, небольшом городке, расположенном на северо-востоке Костромской области в 380 км от областного центра. Именно в этом местечке хранится ценнейшее книжное собрание, работу над которым и проводили члены нашей экспедиции. Объектом нашего исследования стали собранные там литургические церковно-служебные книги (Апостолы, Евангелия, Псалтыри, Триоди, Часословы, Минеи, Октоихи), изданные в XVII веке. Считается, что почти для любого отечественного музейного книгохрани-

лица характерно преобладание изданий, выпущенных на Московском печатном дворе, главной русской типографии того времени. Однако Кологрив представляет собой уникальный феномен в этом плане.

Удивительно, но объемную часть местного книжного собрания составляют украинские издания. В коллекции музея собраны старопечатные книги, выпущенные в Львовской типографии Братства, Киевской типографии Лавры и др. Общеизвестно, что в XVII веке, кроме Московского печатного двора, функционировали типографии на Украине и в Белоруссии. Однако, как же эти книги очутились в Кологриве? Этот вопрос – предмет отдельной истории, о которой речь пойдет ниже.

Собственно повествование надо начать с рассказа о старинном русском городке Кологриве, затерявшемся в костромских лесах. Эпизод с книгами – не единственная поразительная история, связанная с этим местом; вся жизнь Кологрива будто соткана из легенд. Первое, о чем стоит сказать, – это происхождение города.

Река Унжа. 2017 год

История первая

Любопытная история связана с тем, что Кологрив с момента своего появления успел поменять месторасположение. Вообще своим существованием и развитием Кологрив был обязан той политической обстановке, которая сложилась в середине XV и начале XVI веков на северо-восточной границе Московского государства в его борьбе с татаро-монгольскими завоевателями. Набеги на обширную территорию Галичского княжества, во второй половине XV века вошедшего в состав Московского государства как Галичский уезд, повторялись неоднократно. В этой обстановке московский князь Василий III для защиты от опустошительных набегов в первой четверти XVI века приказал «срубить» (построить) пограничные крепости с насыпными земляными валами-городами в Ветлуге, Унже,

Парфентьеве, Судае, Кологриве (в селе Михаил Архангел) (1).

Название города объясняется тем, что он построен около (местного произношение «коло») грив – возвышенных мест, не заливаемых разливами весенней воды (2).

Однако в начале XVII века уже появляются свидетельства о том, что к этому времени город Кологрив «древян ветх разволялся, а до реки до Унжи ни одной городни нет» (3). А в 1648 г. в городе не стало уже никого. В Переписной книге записано: «В Окологриве городе и на посаде посадских тяглых людей и бобылей нет» (4). Но совсем город не исчез. В первой трети XVIII века органы власти Кологрива просто были перенесены в другой населенный пункт – село Кичино.

Дело было самым настоящим самоуправством, но причины его заключались в более выгодном положении этого села; в непосредственной близости к нему находились реки Унжа и Кичинка, кругом стояли леса.

Однако центральным властям казалось, что город действительно канул в лету. Императрица Екатерина II поручила приискать место, где можно основать новый город Кологрив, который должен был стать уездным центром. Было проведено специальное обследование земель Костромского наместничества. По решению губернских властей административный центр Кологривского уезда оставлялся в селе Кичино с его переименованием в город Кологрив. Таким образом, самовольный перенос был признан, а новое место Кологрива закреплено официально.

Далее в 1779 г. город получил свой герб, также благодаря Екатерине II. Герб разделен на два поля. В верхнем – корма галерная с тремя фонарями и с опущенными лестницами. В нижнем – лошадиная голова с крутой гривой на золотом фоне, означающая имя города (5).

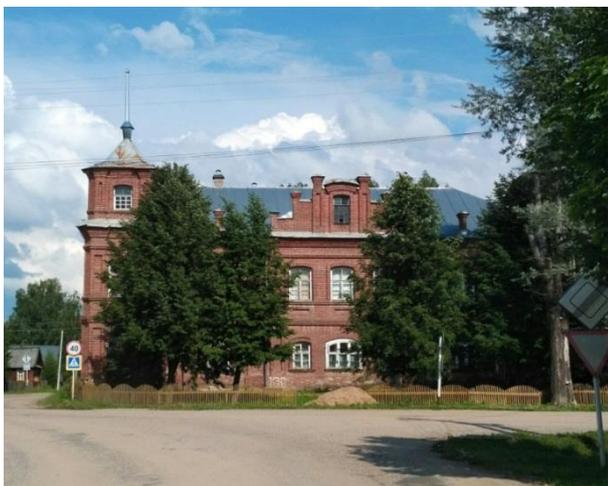
Герб Кологрива (1779)

Вот таким удивительным образом городу удалось сохранить свое название не только на страницах истории, но и на географической карте. И это лишь первая необыкновенная история, связанная с Кологривом.

История вторая

Следующее, о чем стоит рассказать, это легенда, связанная со строительством здания Кологривского краеведческого музея. Именно в его хранилищах находятся книжные сокровища, описанием которых мы занимались. Руководство музея радушно открыло для нас его двери на время экспедиции и поведало любопытную историю его основания.

В конце XIX века земельный участок на окраине исторической части города принадлежал кологривскому купцу Гавриле Владимировичу Макарову, который построил там двухэтажный дом из красного кирпича в 1899 году. В начале 1900 годов, при обсуждении вопроса о трассе Северной железной дороги, Макаров был одним из самых рьяных сторонников проведения ее через Кологрив и обещал в этом случае отдать свой дом под железнодорожный вокзал. «Однако из-за козней и интриг лесопромышленников, что-то не поделивших между собой, железную дорогу, бегущую к Тихому океану, проложили в ста километрах южнее» – через Буй и Мантурово (6).

Кологривский краеведческий музей им. Г.А. Ладыженского (филиал Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника). 2017 г.

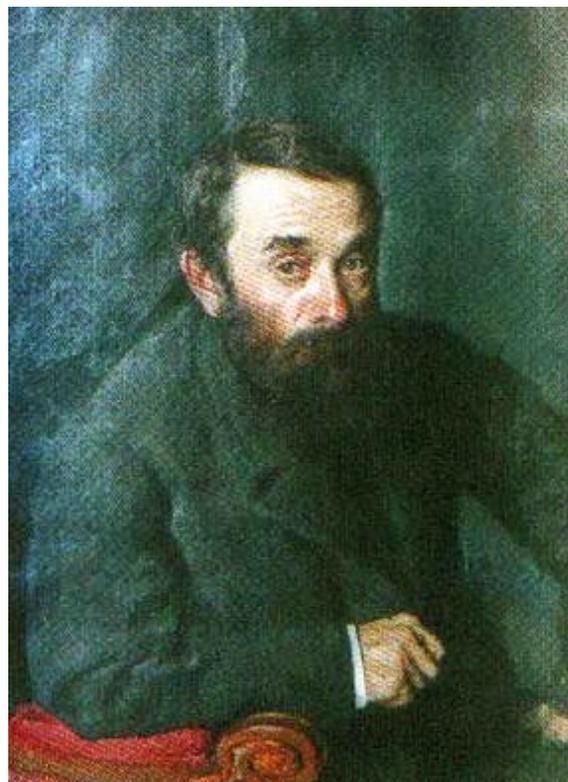
Эта история породила широко распространенную легенду о том, что здание строилось специально для вокзала, к которому не подвели дорогу. Однако всё было проще: дом, который построил Макаров, оказался слишком большим и никто из его многочисленной семьи въезжать в него не захотел. Так дом и пустовал, пока не

разместили в нем музей (7). А Кологрив так и остался глубокой провинцией без железной дороги, но зато с таким прекрасным зданием. И краеведческим музеем впоследствии! Откуда же в небольшом захолустном городке столько сокровищ, которых хватило на целую коллекцию? Ответом на этом вопрос и будет наша третья история.

История третья

В 1853 году (по другим данным – в 1852 г.) в уездном городе Кологриве Костромской губернии в старинной дворянской семье родился Геннадий Александрович Ладыженский (8). Именно ему удалось своей деятельностью внести вклад в отечественную культуру и прославить родной город.

Свой путь Ладыженский начал в Кологривском уездном училище в 1863 году. После его окончания, проявив желание выбрать творческую стезю, в 1870 году он, против воли отца, становится вольнослушателем архитектурного отделения Академии художеств в Санкт-Петербурге. Через год ему удается стать студентом, а позже Ладыженский переводится на живописное отделение, понимая, что его предназначение – быть художником. В это время он заводит знакомства и попадает под влияние таких знаменитых живописцев, как М.К. Клодт, И.И. Шишкин, И.И. Крамской и др.

Портрет Г.А. Ладыженского кисти Н.Д. Кузнецова (Кологривский краеведческий музей)

После окончания обучения Ладыженский возвращается в Кологрив в надежде получить место преподавателя рисования в Костромском реальном училище, однако художнику в этом было отказано. Затем были несколько лет скитаний в поисках места работы, наконец, художнику удается попасть преподавателем в Одесское реальное училище (9). С этого времени начинается новый одесский период (1882 по 1914 гг.) творчества художника, который не только сыграл большую роль в судьбе Ладыженского, но и отразился на жизни Кологрива.

Надо понимать, что в тот период Одесса была крупным научным и издательским центром. К 1910 году город с более чем полумиллионным населением становится третьим по величине, после Петербурга и Москвы, в Российской империи. Художественная жизнь города не уступала столичной. В 1886 г. там была устроена персональная выставка Ладыженского, после которой он становится известным и уважаемым в творческой среде Одессы. Местные художники, современники Ладыженского, наградили его титулом Короля акварели (10).

Считается, что рубеж XIX–XX вв. в русской художественной жизни отмечен повышенным вниманием к исторической теме, что объясняется обострившимся чувством национального самосознания. Эта тенденция находила свое отражение в творчестве многих русских художников того периода. Ладыженский также не являлся исключением. Кроме того, он был еще и страстным коллекционером, собирателем старины и, собирая артефакты, не мог не интересоваться историей их происхождения (11). В итоге, Ладыженским была собрана уникальная коллекция художественных произведений, предметов древности.

Все это, по замыслу самого художника, должно было стать предметами экспозиции музея, который Ладыженский планировал организовать у себя на родине. В 1914 году, выйдя в отставку, он перевез всю коллекцию, бережно и трепетно собранную, в Кологрив. В собрании были картины русских и западных художников, собственные живописные и большое количество акварельных работ.

В его коллекции присутствуют академические рисунки и неизвестные произведения К.П. Брюллова, шаржи А.О. Орловского, произведения западноевропейских мастеров – Себастьяно Риччи (1659–1734), Джилорамо Романино (1484/87–1560), Жана Жувене (1644–1717),

Корнелиса Стеффелара (1797–1861), Луиджи Гарци (1638–1721), неизвестных фламандских, голландских и итальянских художников.

В настоящее время большая часть коллекции произведений зарубежного искусства из собрания Ладыженского находится в фондах Кологривского музея, и, в сущности, составляет основную часть отдела зарубежного искусства Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

Произведения искусства из коллекции Г.А. Ладыженского. Фото 2017 г.

Кроме уже вышеперечисленных шедевров искусства Ладыженский также привез в Кологрив богатую коллекцию фарфора, восточного оружия и около 5000 книг, среди которых ценные церковно-славянские издания (12). Описанием части собрания этих книг мы и занимались в течение экспедиции. Данная книжная коллекция уникальна своим разнообразием в плане мест издания книг, их датировки. Учитывая, что Ладыженский формировал свое собрание буквально по крупицам, не стоит удивляться этому факту. А наличие большого количества экземпляров, выпущенных на территории Украины, вполне объяснимо местом проживания самого художника. Именно такие книги стекались в его руки в первую очередь.

Некоторые экземпляры его коллекции представляют собой огромную историческую ценность. В их числе выделяются знаменитая Острожская Библия, первая полная Библия на славянском языке (г. Острог, 1581 г.), а также «Маргарит» Иоанна Златоуста (уникальный экземпляр 1595 г., также выпущенный в г. Остроге). Эти книги – предмет гордости Кологривского музея.

Однако процесс организации музея в Кологриве был довольно сложным и затянулся на

несколько лет. Сам Г.А. Ладыженский, получив отставку в 1914 году, вернулся в Кологрив в чине статского советника. Свои сокровища художник расположил в собственном деревянном доме, планируя поставить в местном земстве вопрос о предоставлении под музей каменного здания, с тем, чтобы передать свое собрание в пользование уезда. Однако «...его ожидало большое разочарование, его заветная мечта рушилась. Он понял, что в заброшенном среди снегов, лесов, городке не место музею, что его могут попросту расхитить невежественные люди. Вице-губернатор все «окурировал его, делал комплименты», – желая перетянуть его любимые вещи куда-то в другое место...» (13).

Кологривский историко-художественный музей на основе произведений Ладыженского и его коллекции открылся в 1918 году, после перехода власти в руки большевиков. Но сам художник не дожил до этого момента. Последние годы Г.А. Ладыженского были невеселыми. Тоска по привычному делу, невозможность работать из-за тяжелой болезни, неосуществленная мечта о музее угнетали его. 2 (15) сентября 1916 года закончилась жизнь Геннадия Александровича Ладыженского (14).

Это лишь три удивительные истории из жизни маленького городка Кологрив. А сколько их можно рассказать! Например, про кологривского «лешего», старинные часы в музее (их ни в коем случае нельзя заводить!), осколок Тунгусского метеорита, святого человека Ефима Честнякова и т.д. Маленький городок с большой историей, сотканной из тайн и легенд... Приезжайте, все узнаете сами!

В статье опубликованы фотографии автора.

Примечания:

1. Осипова З.И., Воробьева Г.И. Кологрив: страницы истории. URL: http://kologriv.com/index.php?option=com_content&task=view&id=23&Itemid=10 (дата обращения: 13.10.2017).
2. Кологрив // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Санкт-Петербург, 1895. Т.15. С.717.
3. Ковалева Л. Кологрив: история переехавшего города // Россия 4D: историко-географический журнал. 2015. №5. URL: <http://russia4d.ru/magazine/05-2015/istoriya-pereekhavshego-goroda.html> (дата обращения: 13.10.2017).
4. Там же.
5. Там же.

6. Шпанченко В. Кологривские чудеса // Вокруг света 1990, № 12. URL:<http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6620> (дата обращения: 13.10.2017).
7. Там же.
8. Домахина Н.М. Жизнь и творчество Геннадия Александровича Ладыженского. Кострома, 2012. С.10.
9. Домахина Н.М. Указ.соч. С. 11-22.
10. Домахина Н.М. Указ.соч. С. 23-28.
11. Домахина Н.М. Указ.соч. с. 38-39.
12. Домахина Н.М. Указ.соч. С. 59-63.
13. Домахина Н.М. Указ.соч. С. 63.
14. Домахина Н.М. Указ.соч. С. 65-66.

Екатерина Негодяева, 4 курс, Истфак МГУ

ПАМЯТЬ О ЕФИМЕ ЧЕСТНЯКОВЕ

Ефим Васильевич Честняков – личность уникальная. Для земляков он был скорее сказочником и провидцем, а для нас это талантливый художник и писатель, чьи работы поражают своей самобытностью и незаурядностью. Несмотря на то, что талант живописца, провидца, писателя и сказочника не был широко прославлен при его жизни, спустя годы, творчество Честнякова стало известно широкой публике, работы выставляются в России и за рубежом, а изучением судьбы и наследия художника занимаются деятели искусства и науки.

В своих литературных произведениях Ефим Честняков затрагивает вопросы морали и духовности, высказывает идеи о необходимости возрождения культуры деревенской жизни. Написанные им истории пропитаны сельским духом. Важно отметить, что Ефим Васильевич всегда настаивал на том, чтобы при публикации его произведений сохранялась орфография. В текстах автор передавал местный колорит, говор, который был характерен для его родных

мест и который отражал современность, ведь язык не статичен, он живет и развивается.

Ефим Честняков родился в 1874 г. в деревне Шаблово Илешевской волости Кологривского уезда Костромской губернии. Выходец из крестьянской семьи мечтал о карьере художника. Еще в детстве он мог часами проводить время в приходском храме Богоявления, рассматривая фрески, которые были созданы Силой Ивановым и его помощником Лукой. Но долгое время мечты оставались мечтами – Ефим был единственным сыном («честняком» по-костромски), а значит в будущем – главой семьи со всей полнотой ответственности.

Это не помешало будущему художнику стремиться к знаниям. В 1889 г. Честняков окончил Кологривское уездное училище. Существует мнение, что именно в период обучения он серьезно задумался о призвании художника под влиянием преподавателя черчения и рисования И.Б. Перфильева. Затем поступил в учительскую семинарию, после окончания которой переехал и начал преподавать. В 1896 г. молодой человек был переведен в земское народное училище в селе Углец Кинешменского уезда, которое в тот период было культурным и экономическим центром Костромской губернии. В это время он всерьез увлекся искусством, и художественные таланты привлекли внимание местной интеллигенции и меценатов. Кинешемские знакомые решили, что Честнякову

можно попытаться счастье в Петербурге, и отправили его работы И.Е. Репину, который и пригласил будущего художника в столицу.

Ефим Честняков не смог осуществить мечту и поступить в Академию художеств, но И.Е. Репин вновь помог молодому человеку (ему на тот момент было 25 лет) и посоветовал начать занятие в мастерской княгини М.К. Тенишевой, где преподавал сам художник и его ученик Д.А. Щербинский. Ефим Васильевич не ограничил свое обучение одним салоном княгини. Он был вольнослушателем в Казанской художественной школе, а с 1904 г. и в Академии художеств.

Жизнь в Петербурге, безусловно, не была легким периодом в жизни нашего героя. Семья постоянно нуждалась в помощи, денег не хватало, основным источником доходов были собранные благотворителями средства, да работы, продаваемые в Вичуге на благотворительных аукционах в период каникул. С началом революции 1905 года Честняков был вынужден вернуться в родное Шаблово, где, несмотря на необходимость посвящать значительное время хозяйственным делам, он продолжает заниматься творчеством.

Вернуться в Петербург Ефим Васильевич смог только в 1913 г., желая продолжить обучение у И.Е. Репина, но тот буквально не узнал в нем своего бывшего ученика. Так и не сумев устроиться в столице, через год Честняков вернулся в родную деревню, в этот раз навсегда, чтобы продолжить творить, но уже в созданном им самим стиле. Особую цветовую гамму его работ объясняют тем, то у художника никогда не было лишних денег на материалы, да и они сами были обычно в дефиците, поэтому Честняков довольно часто собирал разноцветные камушки на берегах реки Унжи, а потом растирал их, создавая самодельную краску.

Е. Честняков. Тетеревиный король

Сюжеты для своих картин Честняков брал из повседневной жизни крестьян. Его работы отличаются от произведений большинства художников глубоким проникновением в деревенскую жизнь. Он часто писал портреты детей и взрослых жителей окрестных деревень, изображал праздники, показывая жизнь крестьян, как она есть. Он не выставлял свои работы на вернисажах и в галереях, но с удовольствием показывал героям своих картин, устраивая чуть ли не целые представления.

Вход в город всеобщего благоденствия

В течение многих лет Ефим Васильевич обходил деревни, принося многочисленный скарб в телеге, увешанной колокольчиками, звон которых доносился задолго до его появления. По воспоминаниям очевидцев, которые в тот момент были детьми, чуть ли не все жители собирались на площади, чтобы посмотреть, что приготовил художник. Он устраивал настоящие театральные представления с многочисленным реквизитом (декорациями, костюмами, масками, музыкальными инструментами и небольшими глиняными фигурками, которые сам лепил и раскрашивал), рассказывал сказки собственного сочинения, показывал и описывал свои картины. Многие жители тех мест помнят Честнякова, вспоминают, как он приходил в их деревни и устраивал настоящий праздник для детей и взрослых.

Он, единственный на всю округу, имел фотоаппарат, снимки дарил не жалея и хранил у себя целую коллекцию. Но сам никогда не фотографировался, поэтому единственный портрет, который дошел до нас, был сделан еще в начале XX в. в Петербурге. Его отказ делать собственные снимки – одна из многих мистических черт личности Честнякова. В рассказах местных жителей о художнике очень мало о его творчестве, для них он был скорее сказочником, затейником, местным умельцем и, конечно, провидцем. Они верили, что двусмысленные, а подчас непонятные высказывания Ефима Васи-

льевича являются пророчествами, что он обладает даром целительства. Это особенно ярко проявляется в рассказах о временах Великой Отечественной войны, когда всех интересовала судьба родных и близких, ушедших на фронт. Мы приведем несколько таких сюжетов.

В Кологриве живет человек, который по случайному стечению обстоятельств стал рассказчиком большинства историй про Ефима Честнякова. Е.И., в том числе, рассказал нам историю обнаружения произведений художника в конце 1960-х гг. Она несколько отличается от традиционно озвучиваемой версии. Однажды, экспедиция, отправленная Костромским музеем, поехала по области в поисках особо значимых произведений, которым следовало бы находиться в главном здании музея, а не на периферии. И в самом конце экспедиции, они случайно оказались в деревенском доме, где мучимые жаждой с похмелья, искали воду. И вот, в доме они обнаружили крышку на бочке для воды, узор на которой показался исследователям интересным, несмотря на то, что рисунок был сильно затерт. Спросив, они услышали, что это работа «Ефимки», местного умельца, который умер за несколько лет до описываемых событий (Честняков умер в 1961 г., а экспедиция проходила в 1968 г.). находка побудила участников экспедиции начать сбор произведений Честнякова по окрестным деревням, но по возвращении в музей, поддержки со стороны руководства они не встретили. Сотрудники все же решили отправить картины в Москву на реставрацию, и в столице оценили мастерство художника. С этого момента и началось активное исследование творчества этого удивительного человека.

Еще одна занимательная история была рассказана Е.И. Однажды Честняков взялся написать портрет своей односельчанки. В первый же день он практически закончил картину, но дела по хозяйству отвлекли его. Единственной незавершенной деталью на портрете были уши. На следующий день, каждодневная рутина тоже не позволили ему продолжить работу. В течение долгого времени Честняков так и не мог вернуться к работе, несмотря на многочисленные просьбы натурщицы. Постепенно она начала терять слух, и связывала это с тем, что портрет так и не был закончен. А когда старуха уже практически оглохла, то Ефим Честняков ответил: «А раз ты уже оглохла, то зачем тебе уши?»

Мать Е.И. в годы войны тоже ходила к Честнякову, чтобы узнать судьбу мужа, будут ли у нее еще дети. Женщины редко ходили поодиночке, поэтому и в этот раз их было несколько. Честнякову, который едва ли мог обеспечить себе достойную жизнь, всегда несли гостинцы и угощения. И в этот раз одна из женщин уже в пути подумала, что десяток яиц – многовато для старика, поэтому решила оставить половину, чтобы забрать на обратной дороге (это широко распространенная история среди жителей Кологрива, но с различным финалом: иногда Ефимка напоследок говорил, что зря она яйца припрятала, их уже птицы/волки/собаки нашли, иногда молчал. Но во всех сюжетах яйца неизменно были испорчены). А мать Е.И. не имела возможности принести, например, каравай. Она принесла простые блины и кефир. Когда Ефим Честняков рассматривал пришедших, он рассуждал вслух: «Каравай не хочется, сегодня хочется чего-то простого, блинчиков пшеничных, например...» Ефимка угостился блинами, а потом начал рассказывать, да не просто говорить, а устроил целое представление из глиняных фигурок, которые всегда носил при себе. Расположившись на земле, он показал сначала фигурку матери, потом отца, а затем еще четверых детей (в тот момент у женщины был лишь

один сын, так что это предсказание художника немало ее удивило). Когда мать Е.И. решила уточнить насчет мужа, Честняков сначала упал, схватился за ногу и начал причитать: «упал, а теперь болит. Ой, как болит-то!» Потом встал и говорит: «хромал-хромал, а теперь все хорошо». Когда женщины уходили, Ефим Честняков окликнул мать Е.И. и сказал, чтобы та берегла детей от воды.

В действительности отец Е.И. вернулся с войны хромой, но постепенно нога выздоровела. А мама всегда ругала детей, когда те задерживались на речке, что для ребят было главной забавой летом. Но это не смогло уберечь их. Уже взрослым, в 27 лет, один из братьев утонул.

Перед самым отъездом мы случайно столкнулись с женщиной средних лет, которая давно переехала в Москву, но иногда навещает родные края. Она помнит Честнякова по рассказам родителей. Ее мама тоже ходила к нему, желая узнать судьбу мужа. Однажды они также пошли группой женщин, все несли гостинцы, и одна из женщин также решила оставить часть яиц в пути (уже когда они уходили, Честняков окликнул их и предсказал их судьбу).

Наша попутчица упомянула и другую женщину, которую Честняков в ответ на вопрос о муже отправил копать яму под яблоней в его саду, а затем велел запрыгнуть в нее. В действительности оказалось, что уже после окончания войны и возвращения ее супруга с фронта, та женщина забеременела от другого мужчины. Она решила сделать аборт, но, так как сделать его в нормальных условиях было невозможно, пошла к бабке. После аборта она серьезно заболела и умерла. В интерпретации нашей собеседницы та женщина сама себе могилу и вырыла.

Это лишь малая доля мифов и легенд, которые окружают личность Ефима Честнякова. До нас доходили слухи, что многие до сих пор прячут картину, если к ним приходят исследователи, так как считают их чудодейственными, возможно, даже молятся на них. Могила художника выделяется на кладбище в селе Илешево, многие верят, что там до сих пор можно найти исцеление от болезней костей и суставов, поэтому долгое время землю с могилы уносили для лечения. Местная жительница рассказала нам, что если опустить руку в насыпь над могилой, можно излечить болезни костей и суставов. Правда, ей это не помогло. Свою неудачу объяснила нарушением ритуала, ведь засунула-то она руку по локоть, а надо было – по плечо.

Ефим Честняков верил, что однажды жизнь в его родных краях возобновится, что эти места вновь будут процветать. По преданию, перед смертью он закопал 1000 глиняных фигурок в окрестностях своей родной деревни, надеясь, что однажды их все найдут. И найдут именно те люди, которые будут там жить, которые будут возрождать эти края.

Александра Азизова, 4 курс, Истфак МГУ

КАТЯ

Этим летом в числе участников археографической практики Истфака МГУ я побывала в Костроме. Это было мое первое знакомство со старообрядчеством, его культурой, бытом, обычаями. Мы жили в епархиальном паломническом центре, общались с владыкой Ярославско-Костромской епархии Русской Православной старообрядческой Церкви Викентием, священниками и заметными членами общины. Костромские старообрядцы принадлежат к белокрыницкому согласию, догматически близкому РПЦ, но сохранившему существенные обрядовые особенности.

Когда я первый раз вошла в старообрядческий храм в деревне Стрельниково (ближайшей к Костроме), то не сразу заметила отличия православных от староверов. Правда, в глаза бросилось, что прихожане редко накладывают на себя крестное знамение, в ходе службы все одновременно совершают земные поклоны, опираясь руками на небольшие коврики – подручники или «подрушники». Были заметны и отличия во внешнем виде. Женщины, которые пели на клиросе, были одеты в сарафаны, простые прихожанки были в длинных юбках и светлых блузках, а платок у всех женщин подколот булавой у подбородка. Многие мужчины – в

косоворотках, рубахи были подвязаны поясками. Всё это смотрелось очень празднично.

Так получилось, что из всех новых знакомых старообрядцев дольше всех я общалась с девушкой Катей. Вечером мы с Катей занимались пением. Это было необычно для меня, потому что мы пели по крюкам, как принято в старообрядческой церкви. Знаменное пение распространялось на Руси с XI века, и в наше время мало кто может передать навыки владения им. Как сказала нам Катя, «люди могут не знать крюки, но петь под указку, главное, чтобы руководитель четко знал», т.е. руководитель показывает хору («клирошанам») указкой переходы вверх-вниз и длительность звуков. Для человека с музыкальным слухом, всю жизнь посещающего храм, этого достаточно, чтобы петь на клиросе. Катя объясняла нюансы крюкового пения очень доступно, но, хотя я имею музыкальное образование, сложному искусству невозможно обучиться сходу. Даже самой Кате, чтобы спеть что-то незнакомое, надо подготовиться: «Нет такого, что я открыла и сразу спела, но многие песнопения достаточно известные, и в целом я ориентируюсь по крюкам». Во время второй встречи Катя спела несколько стихир, потом мы довольно успешно попробовали сделать это вместе. После наших занятий, Катя меня похвалила, несмотря на то, что более-менее удачное пение получилось у меня не с первого раза. Думаю, это важное качество моего учителя – ученика она старается приободрить и поддержать.

Катина мама рассказала, что крюковым пением дочь занимается с детства, у них на приходе была старенькая клирошанка, которая и обучала детей. У старообрядцев не принято платить деньгами за занятия, поэтому Катина

мама благодарила ее различными продуктами: солеными огурцами, картошкой или чем-то подобным. Свою дочь Катина мама называет «критиком Белинским», потому что та очень ревностно относится к манере исполнения песнопений в храме.

Когда я впервые услышала знаменное пение, мне оно показалось своеобразным, ведь я привыкла к партесному пению в храме. Лично мне молиться во время старообрядческого богослужения сложнее. Несмотря на то, что знаменное пение на первый взгляд кажется однообразным, все же оно звучит по-разному. Мне удалось побывать на службах в двух сёлах: в Стрельниково, где я в первый раз услышала пение по крюкам, и в Дурасово. Манера исполнения отличается.

Несмотря на стереотипы о замкнутости старообрядцев, с Катей было легко общаться, она открытая и быстро идет на контакт. Катя поет в храме, преподает в воскресной школе, так как закончила педагогический университет. Полученные навыки она применяет в епархиальном старообрядческом летнем лагере. Она занимается с детьми пением и преподает основы нравственного воспитания.

Лагерь «Родничок» находится в селе Чернопенье при храме святителя Николая Чудотворца. Приход там очень маленький, и задумывался лагерь для того, чтобы привлечь туда не только детей, но и взрослых – для помощи в развитии церковной жизни. В лагере участвуют дети разного возраста преимущественно из старообрядческих семей из Чернопенья и Костромы, а также из ярославских приходов и даже из Москвы. Среди ребят есть и «никониане». Никонианами они называют нас, относящихся к Русской Православной Церкви.

Утро в детском лагере ежедневно начинается с молитвенного правила, затем у детей наступают занятия, где они не только учатся петь, рисовать, но и занимаются спортом. Кроме

этого они трудятся в меру своих сил: помогают на кухне, дежурят по сменам. В лагере все дети соблюдают режим дня. Ребята регулярно участвуют в богослужениях и, что очень важно, все вместе причащаются. День заканчивается так же, как и начинается, – общей молитвой детей и воспитателей.

Мы пробыли в лагере целый день, и нас пригласили за стол. Здесь питаются простой, но вкусной пищей. Интересным блюдом оказались щи с рыбой. Такое я пробовала первый раз, вкус у них был достаточно непривычный. Их придумали бабушки, которые готовят трапезы, потому что владыка Викентий, как и полагается всем монахам, не ест мясо.

По вечерам в лагере проводился так называемый «костер», где Катя вместе с ребятами пела духовные стихи и разговаривала на нравственные темы. Все дети быстро подключались к разговору, так как Катя с любовью старалась донести простые и очень важные истины.

Катя глубоко любит свою веру, старается сохранить все традиции и передать их следующему подрастающему поколению. У нее есть свой жизненный девиз: «Нужно приложить много усердия к работе, чтобы она стала любимой, а когда она станет любимой, то она станет приносить какие-то плоды. К этому нужно стремиться».

Христина Денисюк, 3 курс, ПСТГУ

Подготовка номера
Е.В. Воронцова, Н.В. Литвина
Редактор
Д.А. Сундукова
Верстка
Н.В. Литвина

В номере использованы фотографии В. Елагиной, В. Жуковской, Е. Дилигул, Е. Негодяевой, А. Азизовой, Н.В. Литвиной

Археографическая лаборатория исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова – archlab@mail.ru